

Облик города

В процессе глобализации и как следствие созревания города приобрели больше своеобразных черт, нежели общих.

Жак Герцог

Знаем ли мы тот момент, когда город является самим собою?
Lab Donald Bates and Peter Davidson

Круглый стол по обсуждению проблем, связанных с обликом Иркутска, прошел в Доме архитектора в ноябре 2006 года. В нем приняли участие главный редактор журнала ПРОЕКТ БАЙКАЛ Владимир Бух; председатель Восточно-Сибирского регионального отделения Союза кинематографистов России Владимир Самойличенко; научный директор Центра независимых социальных исследований и образования, социолог и философ Михаил Рожанский; специалист в области сохранения историко-культурного наследия архитектор Алексей Чертилов; психолог Константин Лидин; архитектор Андрей Ляпин; заместитель директора международного Байкальского градостроительного университета Александр Ладейщиков, специалист по иконографии города Сергей Медведев; учредитель Фонда спасения старого Иркутска архитектор и дизайнер Людмила Шарыгина; дизайнер Андрей Шолохов; политолог и историк Сергей Шмидт; культуролог и философ Марина Ткачева; модератор – зав. кафедрой русского языка ИргУПС филолог Людмила Рябова.

Участники обсудили следующие вопросы:

- 1. Из чего складывается облик Иркутска?*
- 2. Что Вы вкладываете в слова «сохранить Иркутск»?*
- 3. Деревянный Иркутск – капитал города или его обуза, ресурс развития или помеха развитию?*
- 4. Есть ли у Вас конкретные примеры того, как сохранить дух города, развивая город? Есть ли предложения, как достичь этого в Иркутске?*

Рябова. Наверное, этим списком не исчерпывается проблематика, которой интересуются присутствующие. Очевидно, каждый из участников хотел бы изложить свое видение ряда поставленных вопросов.

Шолохов. Облик города складывается, мне кажется, из нескольких вещей. Первое – это само «тело» города: архитектура, местность, природа, которая окружает город; второе – это, конечно, люди, которые в нем живут; и третье – то, что касается меня профессионально – каким образом существующее транслируется, продвигается вовне и внутрь. Задача продвижения образа города гораздо шире, чем просто его реклама. На мой взгляд, в Иркутске задача самопродвижения практически никогда не ставилась и не ставится сейчас, хотя сегодня этот вопрос делается очень важным. Примеры других сибирских городов говорят о том, что там над этим задумались, целенаправленно создают программы, которые продвигают, конструируют образ города: Новосибирск позиционирует себя как столица Сибири, в Красноярске активно занимаются имиджем города. А Иркутск в этом процессе вообще не участвует и, на мой взгляд, очень многое из-за этого теряет.

Рожанский. Я говорю с точки зрения человека, который вырос в Иркутске и который из Иркутска не собирается уезжать. Конечно, в Иркутске держат человеческие связи. Но из чего складывается притягательный облик Иркутска? Для меня это три составляющих, которые каждый из нас

прекрасно знает и ощущает: первое – это наши церкви, сибирское барокко. Второе – каменная архитектура рубежа XIX–XX-го века – то, чем достаточно наполнен центр города. И третье – это деревянный Иркутск, прежде всего в центре города. Своеобразие Иркутска не просто в каждой из этих составляющих, а в том, что они находятся друг с другом в гармонии. Этим Иркутск не похож на остальные города, в которых мне приходится бывать. Город созвучен с ландшафтом, с природой: главная красота нашей природы – смешанный лес, предгорный ландшафт со всем его разнообразием. Иркутское разнообразие, достаточно органичное, находится в очень естественной перекличке с нашими природными циклами, с замечательным южно-сибирским бабьим летом. Мне кажется, из этого складывается облик Иркутска. И этим объясняется реакция на то, что с Иркутском делают, вмешиваясь в этот сложивший облик.

Рябова. Значит ли это, что все лучшее в Иркутске никак не связано с современной архитектурой и современными решениями по организации облика города?

Рожанский. Есть современные здания, которые привлекают взгляд, но только если вписываются, как-то участвуют в этом разнообразии. Например, изумительный дворец Вторых. На мой взгляд горожанина, все, что строят рядом, за малыми исключениями, в среду вписалось, и он остался там доминантой. Вот такое разнообразие, такая эклектика, которая все может вокруг себя организовать, все наполнить, сделать чем-то целостным, органичным – для меня символ Иркутска.

Самойличенко. Я с 1960 годов живу в Иркутске.

Я просто люблю Иркутск, но такое ощущение, что я его теряю, и с каждым годом все больше и больше. Мы попытались в свое время на киноплёнке, сняли его улицы, сделали фильм. Есть и другая картина о городе – «Наваждение», кино 1990 годов рано ушедшего от нас Бориса Васильевича Шунькова, удивительно талантливого режиссера. Там была фраза, что он не может уловить образ города, не может понять его характер. В двух фильмах получились абсолютно разные города. Если снимать фильм сегодня, мы снова увидим совсем иной Иркутск. Пришел, не оглядываясь на прошлое, другой город. Он немножко агрессивный, и это вызывает у меня неприятие. Архитекторы в своих проектах, на мой взгляд, не учитывают ни его географическое положение, ни Ангару. Мне кажется, что концептуально пока не найден образ завтрашнего Иркутска, а вчерашнее Иркутска теряется. Если говорить о сегодняшнем образе города, он вообще не сформирован. Интересно увидела Иркутск одна из моих студенток: памятник императору смотрит на восток, Владимир Ильич на запад, а в середине стоит Вампилов и в общем-то ни на что не смотрит... Вот такой образ... К юбилею города известный режиссер Валерий Соломин хотел делать картину об Иркутске. Мы пытались посмотреть хронику, но ее мало, и снять многое уже невозможно – оно потеряно. Нужно снимать оставшиеся исторические дома, улицы, архитектурные памятники, тогда, возможно, кое-что станет понятно.

Ткачева. Я бы хотела сказать совершенно обратное: образ, или, скорее, облик города, уже сформирован, как бы нам ни хотелось чего-то противоположного. Он сформирован совершенно стихийно, в результате огромного количества случайностей, совершившихся в разное время, по воле разных людей, которые действовали исключительно исходя из своих интересов, из своих меркантильных и индивиду-

материалы к публикации
подготовила
Марина Ткачева

альных целей и задач. Мне представляется, извините за некоторую агрессивность и экстравагантность высказываний, что как раз такой способ формирования облика и есть нечто органичное для купеческого города. А купеческое прошлое Иркутска очень отчетливо видится и в образцах архитектуры, и в планировке, которая концентрирует в себе прошлую жизнь, прошлую деятельность. Эклектика, о которой Рожанский говорил, пестрота и терпимость одновременно – это элементы облика, который мы сегодня имеем. Новое купечество с новым менталитетом возрождает определенные черты старого, и они очень хорошо ложатся на то, что уже есть: неомавританский стиль, неоготика, неоклассицизм, конструктивизм, деревянная традиционная архитектура – и все это хорошо лепится друг рядом с другом, ничему не мешая. Никакой трагедии нет до тех пор, пока все это не начинает сметаться с лица земли во имя новых башен.

Я бы хотела обратить внимание на один факт, который я для себя называю так: «происшествие, которого никто не заметил». В 1995 году сгорела половина гостиницы Сибирь. И с тех пор перед нашими глазами маячит бетонный забор (тоже, кстати, в центре города отнюдь не редкость). 5 лет назад, к 340-летию города, этот забор учащиеся художественных школ расписали. Мне всегда казалось, что лучшего отражения идеи города трудно даже представить. Спасибо преподавателям, спасибо тем детям, которые в этой акции участвовали. Там текла река через весь забор, у реки стояли и мост, и деревья, и церкви, и дома – и все это как-то на реку нанизывалось и органично перетекало с одной плиты на другую. И вот перед Байкальским экономическим форумом 2006 года однажды в ясный осенний день я этой росписи не увидела. Забор «привели в порядок». Такими незаметными маленькими шажочками и происходит формирование «облика города»... Мне самой важно ответить на вопрос, насколько наши усилия могут способствовать хотя бы какому-нибудь осознанию того, что происходит. Очень проблематично, насколько мы сами способны активно и эффективно участвовать в этом процессе.

Чертилов. Я как иркутянин и специалист, который занимается исторической застройкой города, могу сказать однозначно, что сегодня облик Иркутска можно назвать одним словом: раздрай. За последние полвека, когда страна перешла на рельсы индустриализации строительства, совершилась полная метаморфоза облика города. Сегодня мы видим не тот купеческий Иркутск; может быть, он какой-то новый купеческий, но уже не Иркутск. В моем понимании облик Иркутска складывается, в первую очередь, из деревянной архитектуры, потом барокко, культовое зодчество и потом уж только каменная архитектура. Каменная архитектура вообще очень похожа на многие города России, барокко культовое существует и в других сибирских городах. А вот деревянная архитектура в таком разнообразии, в таком количестве и прямо в центре города – этому нет аналогов ни в стране, ни в мире. Самое больное, что сейчас происходит уничтожение именно этого облика, мы теряем его безвозвратно.

Рябова. Мы продолжаем говорить о том, что мы теряем, а по какой причине теряем?

Чертилов. Теряем потому, что и наше городское сообщество, и общество россиян вообще оказалось не готово к новым отношениям, к новой истории России. Сегодня иркутяне так же, как и все другие граждане нашей страны, находятся в полном неведении относительно своих прав и того, как вообще можно этими правами пользоваться. В этом беда всей страны. Сегодня уничтожаются историческая Москва, исторический Питер... Иркутск не исключение.

Рябова. Где же профессиональное решение?

Чертилов. Профессионалами сегодня управляют, они вынужденно выполняют исключительно заказ этого, извините, купечества, которое может уничтожить все, что есть, лишь бы построить то, что легко продается, выгодно только им, а не городу.

Ляпин. Алексей Константинович нарисовал картину достаточно пессимистичную. Но за прошедшие лет 20–25 профессионалы-архитекторы, действительно, не предложили принципиально новых решений ни городским властям, ни деловым кругам. Профессионалы остались в том времени, когда московские искусствоведы нам открыли наш собственный Иркутск. Деревянное наследие – это важнейший элемент и облика, и образа города, который стоит беречь. И иркутские профессионалы в области охраны памятников, градостроительства и планировки могли хотя бы держаться на уровне современных достижений. Но мы отстали даже от среднего по стране уровня реконструкции деревянных строений. За столько лет по деревянному зодчеству не проведено конференции, у нас нет книги о деревянном Иркутске, нет фильмов. Мы говорим о том, что кто-то должен сделать Иркутск, а на самом деле ждем только, что сделают за нас. Стоит пытаться и ставить вопрос перед Москвой о проведении Всероссийской конференции по сохранению деревянного зодчества в масштабе России на иркутской базе. Необходимы как фильмы и книги, так и самые передовые методы городской планировки. Я хочу напомнить, что в 1997 году была завершена комплексная концепция реставрации и реконструкции исторической застройки в центре Иркутска, разработанная под руководством Александра Юрьевича Ладейщикова. Это был поисковый, интересный документ, он соответствовал времени, международным достижениям. Но как лег в архив – где-то так и лежит. Совершенно нормально, что сегодня город динамично преобразуется, просто мы не умеем преобразовывать его в диалоге со старой архитектурой.

Шмидт. Я бы хотел сказать, почему, как мне кажется, иркутянам тяжелее, чем жителям других городов. Во-первых, очень важный (хотя и не уникальный) факт, что Иркутск – переселенческий город. Я думаю, среди присутствующих много людей, которые родились не в Иркутске, и почти убежден, что очень мало здесь людей, у кого были иркутские бабушки и дедушки. Это город, который всегда формировался из приехавших людей, что накладывает определенный отпечаток на психологию горожан. Второе – над Иркутском висит некое «природное проклятие»: уверенность в том, что раз у нас есть Байкал, замечательная природа Приангарья, то этого достаточно. Город не испытывает потребности в том, чтобы конструировать какой-то облик или образ, отличный от своего окружения. И третий момент, очень важный в плане самокритики иркутян. Уже в 1970 годы мир начал пробираться в общество, для которого очень важное значение имеют знаково-символические составляющие. А мы вступили в «общество знакового потребления и потребления знаков» со слишком высокой стартовой позиции. Иркутск слишком много о себе возомнил, в отличие от городов вроде Красноярска, Новосибирска. Он чувствовал себя главным городом Сибири, сердцем, жемужиной, «серединой земли»... Этот «груз прошлого» не позволял динамично развиваться. Иркутску не пошло на пользу также и то, что у него не было города-соперника: у Питера есть Москва, у Саратова – Самара, у Перми есть Екатеринбург, а Иркутск – сам по себе, и самодостаточность всегда в городе чувствовалась. Какие у нас «знаки на вынос»? Знаки, которые мы могли бы выставить на дорогах глобализации? Я бы тоже на первое место поставил деревянную архитектуру, хотя и моя любимая набережная тоже должна быть добавлена в список составляющих облика города. Но

у нас уникальный случай: то, что должно город украшать, его, этот город, уродует! Где-нибудь такое еще есть? Если сейчас мы опросим горожан, то у них первая реакция на упоминание о деревянной архитектуре будет такая: это наш позор (они, естественно, имеют в виду состояние, в котором она находится), это все в центре города, на центральных улицах.

Самойличенко. Такое ощущение, что города никто не видит.

Шмидт. И последний момент, на который я бы хотел обратить внимание. Вопрос об облике города, его, так сказать, символической составляющей, практически никогда не становился предметом общественной дискуссии и политической борьбы, несмотря на массу всяческих избирательных кампаний. Такое впечатление, что города просто нет, это площадка, на которой каждый занимается своим делом, в основном сиюминутными экономическими проблемами.

Шолохов. Другие города вкладывают средства в свой имидж, занимаются им и имеют от этого деньги, а у нас почему-то так вопрос не ставится... Город не имеет своего образа, который можно транслировать, у которого есть экономическая подоплека.

Самойличенко. Если мы сейчас стоим на пороге мегаполиса, который собираются делать, то тем более непонятно, что из этого получится, если не вмешаются профессионалы.

Бух. Может, не совсем точно, но давайте я вас назову городской интеллектуальной элитой, вы согласны? (Оживление.) И если перед вами поставить вопрос, в чем же все-таки идея Иркутска? Чем бы я отличил Иркутск от остальных губернских городов нашего края? Во-первых, у Иркутска изначально был признак столичности. Он долгое время был столицей двух третей территории России! Потом Иркутску «повезло», что здесь сосредоточились декабристы, а это была мыслящая и деятельная Россия. Еще – Байкал. Такое соседство тоже уникально. Я бы считал, что купеческую элиту тоже можно отнести в плюс Иркутску. И, наконец, Транссиб. Тогда Иркутск еще не терял этой значимости, столичности, а дальше все пошло на убыль. Стало другое административное деление, неамбициозное местное руководство теряло позиции, другие города перетягивали нововведения на себя. Например, первоначально Сибирское отделение Академии наук собирались разместить в Иркутске, но местное руководство сказала, что ему это не под силу. Иркутск деградирует, это слово все так или иначе повторили. Какая у нас может быть позитивная, положительная идея? В современном градостроительстве обсуждаются вопросы «глобального города». Это город вне административных связей, но он стоит на пересечении разных транснациональных интересов, транснациональных проектов. И таких городов в мире много, но не у нас. Мы еще не можем сосредоточить у себя ни финансовые ресурсы, ни интеллектуальные, ни технологические, которые и делают город глобальным.

Рожанский. Идеей Иркутска может быть идея разнообразия против раздвоя, хаоса. Вопрос в том, как идею разнообразия вписать в неизбежное, необходимое развитие города. Мне кажется, что идея разнообразия может быть наиболее плодотворной и вызовет позитивный отклик у жителей, поднимет дух.

Рябова. Но она не очень выразительна.

Рожанский. В своей статье Андрей Ляпин говорит об очевидной вещи, которая у нас держится на периферии сознания: изменение города – это не только архитектура, это прежде всего социология. По сравнению с тем, что Ляпин говорил об отставании методик в проектировании, в социологии отставание еще на порядок выше, потому что у нас за социологию, за исследования принимают примитивные оп-

росы общественного мнения. Главное же – именно обеспечить концепцию разнообразия за счет представлений об интересах людей, образе жизни людей, запросах людей, предпочтениях, ценностях. Это очень плодотворный, естественный ход, очень эвристичный. Разнообразие представляет собою как раз открытость тем многим традициям и возможностям, которые в Иркутске есть, включая и возможности, которые несут с собой сегодняшние миграции. Вписали же мигрантов в себя такие мировые центры развития, как Сан-Франциско, Нью-Йорк и т.д.

Самойличенко. У меня чисто практическое предложение. Нужна просветительская программа, которая будет называться, к примеру, «Город, в котором живем». В ней должны участвовать социологи, архитекторы, археологи, кинематографисты, художники. Просветительская программа должна вестись в школах, в высших учебных заведениях как обязательный курс. Вот с этого, мне кажется, надо начинать. Ведь иркутяне необразованны, они не знают свой город. Тем более, что каждый год к нам в вузы приходят жители всей Восточной Сибири. Надо рассказать им о городе, научить жить в нем.

Бух. Где инвестиции на это взять?

Самойличенко. А вот инвестиции надо потребовать у губернатора, у мэра города и т.д. 70 лет области, мы должны проработать этот документ и потребовать от руководства области, города его выполнять...

Бух. Пусть капитал вкладывает. Между прочим, тот хороший Иркутск, которым все дорожат и за который переживают, купцы за счет своих золотых прибылей построили.

Самойличенко. Ну, сейчас купцы другие.

Бух. Да, но без капитала не сделаешь ничего.

Рябова. В первую очередь воспитайте городское руководство, чтобы оно было фанатом программы.

Самойличенко. Воспитать его невозможно, его надо перевоспитать.

Ляпин. Я надеюсь на практическую пользу от нашего обсуждения. Мы говорим о деревянной архитектуре города, но я еще раз повторю: до сих пор у нас в Иркутске не проводилось ни одного профессионального мероприятия, конференций международных, симпозиумов по деревянной архитектуре, по методике сохранения, по увязке методики с экономикой и планировочным развитием и т.д., а в других городах они проводятся постоянно. Вот финскую Рауму возьмем или тот же Сан-Франциско. Почему в Иркутске не организовать серьезное событие, взяв деревянную архитектуру как ядро для решения какой-то части проблемы?

Рябова. Байкальский архитектурный форум.

Шолохов. Не происходит всего этого потому, что нет экономической заинтересованности, востребованности. Сергей правильно сказал: основная масса населения деревянную застройку воспринимает совершенно негативно. Да, они говорят не об архитектуре, а о том состоянии, в котором она находится, тем не менее, негатив есть негатив. Начинать надо с того, чтобы, по крайней мере, рассказать, насколько это ценно, потому что для населения, для обывателей ценность дерева в городе – это абсолютно не очевидная вещь. И, соответственно, для тех самых купцов это тем более не очевидно. Но если будут законодательные возможности или механизмы, которые бы позволили купцам использовать эти самые деревянные сооружения, то тогда появится экономический интерес в их использовании. Тогда вопрос будет решаться, потому что любой рачительный хозяин не будет отказываться от существующих ресурсов. Понятно, что в Иркутске есть то, чего нет в других местах, но люди с деньгами, которые могут использовать местные ресурсы, не используют их из-за недочетов в законодательстве.

Возвращаясь к прошлому вопросу. Идея может быть в том, чтобы попытаться сформулировать в слогане или в каком-то лозунге, очень коротком предложении, что деревянная застройка – ценность старого и нового. И попытаться под этим слоганом продвинуть все просветительские вещи. Когда возникают общественные мнения, политики и люди власти вынуждены к ним прислушиваться...

Шмидт. Я очень боюсь и почти уверен в том, что эта просветительская программа превратится в краеведческую, сказ о великом прошлом города. Нравится нам это или не нравится, но современного человека заинтересовать великим прошлым уже невозможно. В любом случае просветительская программа должна исходить из использования прошлого ради будущего. И просвещение по поводу деревянной архитектуры должно отталкиваться от того, как эта деревянная архитектура могла бы сыграть в будущем. Поэтому идея некоего провинциального мирового города мне лично кажется очень симпатичной. Но просто «укрепить» прошлое и на этом сделать идею города, к сожалению, нельзя.

Чертюков. Можно скоординировать пункт этой глобальной идеи по возрождению деревянной истории Иркутска с возрождением традиционных технологий нового деревянного строительства. Технологии деревянного строительства возрождаются в совершенно новых формах, в новых конструктивных узлах, с использованием современного оборудования, химии. И горожане, сибиряки должны сегодня понять, что, действительно, самое комфортное жилье – это цельное дерево. До Иркутска этот процесс еще не докатился. Сейчас не поздно эту идею, этот пункт включить в документ под названием «идея города».

Ляпин. Если научиться строить из дерева по-новому.

Шарыгина. Я представляю здесь Фонд спасения старого Иркутска. Наряду с просветительскими программами, я думаю, очень важно создавать конкретные образцы культурно-исторических зон городской среды с определенным режимом работы. У нас есть несколько проектов, которые мы пытаемся продвинуть. Эти проекты являются символами и знаками того, что было в Иркутске важного и значимого. Первый – восстановление Арки цесаревича в память единственного посещения Иркутска царственной особой. Очень важно восстановить факт такого события в общей памяти. Второй проект – это большая и серьезная часть истории Иркутска: очень важно восстановить и создать новую среду вокруг ледокола «Ангара». Третий – это восстановление некрополя на Иерусалимской горе. Я надеюсь, что Союз архитекторов тоже включится в установку памятников своим выдающимся архитекторам, которые здесь захоронены. В-четвертых, на круглом столе, который проводился Обществом охраны памятников, были предложены конкретные экономические механизмы включения деревянной застройки в современную жизнь. За средствами надо обращаться к купцам, которые должны и будут видеть от этого выгоду. Необходимо передать в доверительное управление определенные территории, проводить восстановительные, реставрационные работы и осваивать ценные земельные участки в центре города. Мы надеемся, что в городе появятся реальные действующие куски, фрагменты территорий, которые совмещали бы в себе и историческое прошлое, и современную жизнь. Именно в центре необходимо создавать конкретные образцы публичной городской среды, которые изменяли бы горожан (туристические комплексы, сувенирные лавки, дворовые участки).

Медведев. Странная вещь происходит: город, горожане, власти города к деревянным строениям относятся, как к обузе развития. А в это время иностранный капитал, который занимается именно гостиничным бизнесом, уже серь-

езно смотрит на Иркутск как объект вложения своих инвестиций, программ гостиничного развития на базе деревянной застройки в центре. Они еще не могут сделать первого шага, потому что у нас не создана благоприятная инвестиционная и законодательная, нормативная база, просто нет элементарного положительного отношения со стороны властей. За Уралом один-единственный город, который для них привлекателен, – это Иркутск. Когда их спросили, связано ли это исключительно с Байкалом, они сказали – нет, если бы нас интересовал Байкал, туда бы и пошли; нас интересуют ворота к Байкалу. Они различают совершенно четко: Байкал – зона отдыха, а Иркутск – своеобразная, быть может, экзотическая среда обитания. Мне кажется, что Иркутск может позиционировать себя как столица провинции, культурный, исторический центр, в который выгодно вкладывать деньги, инвестиции. Но пока гарантий не будет, они не пойдут сюда, это однозначно. И первые фонды, которые созданы, смогут способствовать притягиванию денег, инвестиций...

Ляпин. Я хотел бы спросить у Александра Юрьевича о работе, которая была проделана в 1997 году по концепции комплексной реконструкции и реставрации центра.

Ладейщиков. Она была принята городской Думой, официально опубликована в прессе. В принципе, это вполне реальный, действующий механизм, если захотеть им воспользоваться... Но вопросы то и дело возникают. Когда к нам каждый год приезжают иностранные архитекторы – студенты и профессора, то в первую очередь они говорят о деревянной застройке как о том, чего нигде увидеть больше уже нельзя. Даже периодически возникают предложения подействовать в международных культурных фондах, выделить деньги хотя бы на реставрацию, но, конечно, восстановленное желательно и использовать, иначе оно снова будет разрушаться. В концепции был один момент, который связан с профессиональной архитектурной и просветительской деятельностью: в зоне исторической застройки необходимо делать новые здания на основе творческих конкурсов, а не на основе индивидуального желания заказчика. Там было предусмотрено привлечение и профессиональной общественности, и городской. А сегодня у нас нет механизма, когда рядовой иркутянин мог бы сказать, что, разрушая какое-то здание, задевают его достоинство. На западе есть специальные способы учета мнения жителей при проектировании, и это становится главным. Когда это появится у нас, то появится и заинтересованность в том, как и где живут люди. Потому что дом с участком – это совсем другое, чем квартира в многоэтажке. Нужно и правовое просвещение, чтобы человек знал, в какие конкретные организации идти, в суд в том числе.

Ляпин. Мы уже видели, что за прошедшие 25 лет создано много разных документов. Эти документы – сами по себе, а жизнь идет сама по себе. Может, нам просто честно признаться, что не умеем мы жить в своем городе, и пригласить скандинавских профессоров-планировщиков – пусть бы они попланировали наш центр...

Ладейщиков. Речь идет не столько об умении планировать, сколько об отношении горожан; не зря я сказал, что главное – люди, а потом уже можно вести разговор об архитектурном окружении.

Рожанский. Мы ссылаемся на некое «настроение», которое вроде бы известно. Я уже 8 с лишним лет живу в деревянном доме, я сознательно сюда переехал, но понимаю и знаю, что у людей, которые живут в деревянных домах, настроение может быть совершенно другое, не то, на которое ссылаются застройщики. Но именно об этом настроении никто не знает. Вопрос в том, чтобы не уповать, как тридцать лет назад, на безусловную эстетическую ценность

деревянной застройки, а показать деревянное жилье и деревянное зодчество как часть искусства жить вообще, искусство жить в этом таежном, предгорном пространстве. И здесь нужна хорошая, понятная, не требующая больших специальных инвестиций совместная программа архитекторов, социологов, культурологов, экологов и людей, которых надо «заводить».

Ляпин. В последнее время знаменитый голландский архитектор Рем Коолхас заинтересовался проблемами градостроительства и от планировки отдельных зданий перешел к изучению города. Один из проектов Гарвардской школы дизайна под его руководством заключался в том, что они исследовали Шанхай: дух Шанхая, история в Шанхае, деньги в Шанхае, глобализация в Шанхае. Это был комплексный междисциплинарный проект, где люди попытались описать образ города. Междисциплинарные исследования такого уровня, которые пытаются схватить и прошлое, и будущее, и качество жизни, и надежды на лучшую жизнь, и экономику, – новое слово в городском развитии. Такое комплексное исследование позволит понять, что имеет Иркутск в перспективе глобального городского сообщества. А его реальная стоимость меньше, чем постройка двух блок-секций в жилом доме. Полностью согласен, что все исследования города до сих пор оставались в рамках ведомств. Я был удивлен, что специалисты наших административных округов в Иркутске, которые ведают вопросами благоустройства и озеленения, даже не знают, что город имеет утвержденный перспективный план на озеленение от 1992 года. Они его никогда не видели!

Рябова. Я думаю, что можно начинать подводить итоги и высказываться по кругу: что уже сделано и что предстоит сделать.

Рожанский. Конференция по деревянному зодчеству могла бы быть первым шагом, важным культурным событием. И если «отщипнуть» хотя бы несколько процентов от бюджета Байкальского экономического форума, то такую конференцию с приглашением хороших мировых специалистов, практиков и ученых, можно было бы провести, а экономический эффект для Иркутска будет очень мощным.

Наш Центр готов взять на себя организующую инициативу в проведении междисциплинарных исследований. Сейчас мы делаем второй исследовательский альманах по Байкальской Сибири. И выясняется совершенно отчетливая картинка. Иркутские тексты полны образов города вообще, представлений о городе, впечатлений... У нас нет текстов ни о предместье Марата, ни о Рабочем. Получается выставочный подход. Его надо сменить на исследовательский; исследование нужно междисциплинарное. И площадка для этого есть. Желающие могут включиться в наш альманах в самое ближайшее время. Надеюсь, будут и возможности продолжения, потому что это – проект, который востребован, и под него можно найти финансирование. Ну и последнее, приоритетное, которое все в себя вбирает. Через круглые столы, организацию культурных событий должна идти работа над тем, чтобы в общественную дискуссию были внесены и прорабатывались концепции альтернативного развития Иркутска, когда бы в развитие Иркутска было вписано сохранение Иркутска. Чтобы исторический Иркутск был ресурсом для развития города. Такую стратегию нужно противопоставить как можно быстрее тому, что происходит сейчас. Важно провести некую красную линию – что нельзя трогать, но предлагать обдуманную, проработанную альтернативу. Как это было, когда шло сопротивление нефтепроводу у Байкала.

Самойличенко. Мы уже собираем в альманахах на видео то, что снималось в Иркутске с 1937 года. Это работа, которую будут делать и профессионалы, и студенты-старшекурс-

ники с журналистских факультетов. Они сейчас снимают то, что может исчезнуть сегодня-завтра, что нужно оставить. Кроме того, следующий наш международный кинофестиваль будет посвящен Байкалу и Иркутску. Мы делаем специальную программу, там и кино, и видео, и текстовые, сценарные варианты, связанные с этой проблемой. Просветительская работа будет идти в Союзе кинематографистов абсолютно точно. Все-таки надо выработать документ нашего общего разговора и представить тем людям, от которых зависит финансирование и внимание к этой проблеме.

Лидин. Мы все время говорим так, как будто сами решаем, что финансировать, а что – нет. Как будто нет ни городских, ни областных властей, ни строительных баронов, купцов. А фактически именно они реально определяют, как будет выглядеть Иркутск сегодня и завтра. Люди они очень своеобразные и сильно отличаются от нас с вами: это люди, которые живут сегодняшним днем. Совершенно бесполезно рассказывать им о прекрасном прошлом и о прекрасном будущем, потому что для них нет ни прошлого, ни будущего, для них есть только «сегодня», ближайшая выгода. Это люди тактического мышления. И пока мы, ученые, интеллигенция, это игнорируем, мы так и будем производить документы, которые никто не читает, которые никаким руководящим эффектом не обладают.

Существует такая кредитная политика – вычерпывание ресурсов из будущего. Мы можем видеть, к чему такая политика привела в разных местах мира. Жители городов вычерпывали из будущего, и оно пришло, это порождает будущее, из которого все вычерпано, в том числе и моральные, информационные ресурсы. В нашем городе исчерпаны резервы порядка. Иркутск сейчас превращается в хаотический, дикий лес, космическая съемка прямо показывает, как растворяется структура улиц, улицы становятся пунктирными, возникают без всякого порядка массивы зданий. Структура города исчезает. Вот у Москвы кольцевая структура, у Нью-Йорка – прямоугольная сетка. У Иркутска тоже была четкая, красивая сеть улиц, площадей, скверов, парков. Это все сейчас растворяется в каком-то месиве, город становится безобразным. У французского философа Бодрийера есть образ города ненависти. Он пишет о Париже, но то же самое можно отнести ко многим городам. Там хаос вытеснен из центра города на окраины, и в получившемся «хаотическом кольце» живут люди, которые ненавидят место своей жизни, городские власти, богачей, домовладельцев, самих себя. Всей их жизнью управляет стремление к разрушению. Это ждет и нас, мы твердым шагом движемся именно туда, и никто из руководителей города, похоже, этого не замечает. Я как один из активных авторов журнала вижу свою задачу в том, чтобы об этом говорить, убеждать людей, которые не видят будущего. Главная задача просветительской программы – рассказать так, чтобы захотели услышать то, что сегодня слышать не хотят. Дух города – это порядок, структура городского пространства. Сейчас он быстро разрушается людьми, у которых в руках есть возможность принимать и реализовывать важные решения, но нет понимания города как живого организма, законов его жизни и развития.

Чертилов. «Дух города» у меня вызывает чувство жалости: моя любимая и несчастная деревянная архитектура, извините, дурно пахнет; это и есть дух города. Сегодня иностранцы попадают в центр Иркутска, фотографируют все, в том числе и помойки. Визуально город включает архитектурную ценность деревянной застройки – и тут же возникает этот «дух с душком». Да еще все улицы и площади названы «по-советски». И пока город не вернет исконные исторические названия, дух будет с душком. Еще раз

скажу, что деревянная архитектура – это будущее Иркутска, тот PR, который надо разворачивать, чтобы Иркутск опять стал столицей провинциальной, пусть не глобальной, но своей, приангарской территории. Чтобы сюда приезжали с удовольствием все, кто захочет, особенно те, кто принесет сюда деньги. И самое главное – чтобы традиционные сохранившиеся формы застройки действительно были комфортны для проживания.

Шарыгина. Мое мнение, что Иркутск, о котором мы nostalgicуем, утрачен, и его не вернуть. Иркутск ожидает судьба убывающего города, если ничего не делать. Я предлагаю вернуться к этой теме и продолжить работу в декабре на обсуждении проекта нашего Фонда по восстановлению и по проекту реконструкции Иерусалимского кладбища, по восстановлению некрополя.

Медведев. В какой-то степени надо заниматься пропагандой не только всего исторического Иркутска, а конкретных зданий. Но я считаю, что наша работа мало влияет на общество. И фактически не влияет на чиновников, от которых зависят решения. Я думаю, что предлагаемая конференция – это хорошая идея, и чем она будет выше уровнем, тем это будет значимее и весомее для того же чиновничества и начальства, чтобы они знали...

Рябова. И захотели возглавить...

Медведев. Что-то, а возглавить они способны. Мне кажется, сейчас надо точно направить все силы на отдельные наиболее ценные здания по существующим спискам... Я думаю, это было бы понято многими иркутянами. Здесь присутствуют люди, которым нравится жить в деревянных домах. И об этом нужно говорить. А пока начальству нужно, чтобы говорили только те, кто недоволен этими домами; нам же нужен обратный пример.

Ляпин. Международный уровень конференции по деревянной архитектуре, я думаю, не будет проблемой при тех связях, что есть у Союза архитекторов, на архитектурном факультете. Но и просветительство нужно. Раз мы не можем еще представить такие проекты, которые завтра будут востребованы, то нужно хотя бы говорить о том, что мы можем создать не только ориентиры в пространстве, но еще и в смысле городской среды. Нужно говорить о городах, которые добились успехов в постановке и реализации тех задач, которые мы сегодня обсуждаем.

Ладейщиков. Мне кажется, что деятельность должна быть многоаспектной, задействовать надо как можно больше людей на разных направлениях. Кроме того, без горожан трудно будет все это сделать; пока не будет учета общественного мнения, все профессиональные мероприятия останутся востребованными узким кругом людей. Надо привлекать и общественные организации, и руководство вузов, и прессу для освещения конференции, и творческие конкурсы проводить.

Шмидт. Скажу о теме, которая требует совершенно отдельной дискуссии и тоже связана с обликом города. В городе ощущается невероятный недостаток свежих, изобретательных, с чувством юмора скульптур нового типа. Монументальных памятников у нас хватает, а уличной скульптуры почти нет. Когда мои знакомые спрашивают, есть ли у нас что-либо подобное питерскому чижик-пыжик, то кроме яйца японского, коровы и какого-то дракона на улице и назвать нечего. Для города современного типа, смотрящего в будущее, это слишком мало. У нас хватает оригинальных художников, чтобы, например, поставить памятник омулю.

Рожанский. Нет, памятник иркутскому застройщику! Почему бы в «СМ № 1» или другой газете не объявить конкурс на проект «Памятника иркутскому застройщику»? Чтобы идею озвучить, привлечь внимание? Люди выразили бы свое мнение по этому поводу.

Ткачева. Кроме монументальной скульптуры, у нас есть еще огромное количество монументальной рекламы, которая, по сути, ничего не рекламирует и большинством людей не замечается. На облик города не обращают внимания, может, еще и потому, что у нас нет возможности обратить на него внимание: большая часть памятников закрыта щитами. Эта маскирующая «косметика» вызывает у меня наибольшие претензии. А в просветительской части программы представляется необходимым подчеркнуть, что просвещение должно совмещаться с исследованием, имеющим междисциплинарный характер.

Шолохов. На самом деле реклама – достаточно мощный ресурс. Я абсолютно согласен с Александром Юрьевичем, что общественное мнение является ресурсом воздействия на существующую ситуацию. Необходимо использовать современные технологии, позволяющие работать с общественным мнением, привлекая масс-медиа, рекламу. Например, к выборам мэра осенью у нас появились картинки, говорящие о красоте и «замечательности» нашего города, но, на мой взгляд, сделаны были они чрезвычайно плохо. И больших денег это не стоило, был использован административный ресурс. Администрация не так уж и плоха, они идут на диалог... А за что агитировать – все-таки вопрос той самой глобальной идеи. Мне кажется, что идея Иркутска должна быть ясная, простая и доступная любому пониманию, но она должна быть. Тогда можно выстраивать и все остальное, тогда человек понимает, где он живет и чем он должен гордиться.

Рябова. Идею давно по радио передают: «Любимый Иркутск – середина земли».

Шолохов. Эта идея не имеет рекламного потенциала, потому что она не несет в себе ничего, кроме эмоции. Если Новосибирск говорит, что он столица Сибири, то из этого посыла обыватель может выстроить очень большую череду тех предпочтений, которых он получит, когда Новосибирск станет этим городом, соответственно, город получает нормальный стимул к этому стремиться.

Рябова. Андрей Викторович, а что Вы скажете об итоговом документе нашего круглого стола, перспективах этого собрания?

Шолохов. Я вижу перспективы в Фонде спасения старого Иркутска: если он продемонстрирует реально выполненный проект и на этом примере будет наглядно видна его инвестиционная привлекательность, то люди, которые имеют деньги, захотят вкладывать деньги в имидж города. Надо, чтобы проекты одновременно и поддерживали город, и приносили прибыль. Если люди реально получают участок в доверительное управление на достаточно длительный срок, при нормальном государственном надзоре за исполнением нормативов и требований – люди будут заинтересованы получить участок в центре. Это достаточно хорошие деньги. Прогресс ведь держится и на чувстве наживы тоже.

Рожанский. Адресат может быть еще в зарубежном туристическом бизнесе. Там уже сейчас есть люди, заинтересованные вложением денег в сохранение деревянного Иркутска, развитие. Это более реально, конечно, чем надеяться на наших застройщиков. Надо, чтобы иностранных инвесторов сюда пустили.

Бух. Есть ли у нас инструмент, силы, способы влиять на события в городе? Шолохов говорит об общественном мнении. А где оно, кто его формирует, кто выступает проводником общественного мнения? К примеру, идет кампания по тотальному сносу ветхого деревянного жилья в центре города без разбору: что – памятник, что – нет. Под предлогом «благообозрения облика» официально, во всеуслышание заявлено, что деревянные памятники – вовсе не памятники, а хлам, позорящий город.

Рябова (с иронией). И так формируют общественное мнение в обывательской среде.

Бух. Общественное мнение держится не на обывательском сознании. Одно время в городе функционировало общественное собрание. Даже дом для него был построен. Оно состояло из видных и влиятельных представителей общества, с мнением которых власть не могла не считаться. Сейчас такой институции нет. Власть фактически неподконтрольна обществу. И озабочена она вовсе не тем, что мы обсуждаем.

Рябова. Я не услышала практических предложений, как можно уже сегодня воздействовать на ситуацию, разве что Фонд. Мы ушли в теоретические, просветительские и пропагандистские проекты. Только непонятно, сколько веков на это уйдет и сколько памятников останется к тому времени. Как филолог я заметила, что наши высказывания полны безличных конструкций, скрывающих субъекта действия. Мы не готовы назвать конкретно, кто разрушил то или иное, кому конкретно наши предложения адресованы. За каждым из нас тоже стоит какая-то общественная сила, но мы ее как-то не замечаем. Как иркутянка я думаю, что в нашем городе много своеобразного. Я занимаюсь изучением названий наших улиц уже более 15 лет и могу сказать, что горожане по-разному относятся к названиям: многие достаточно равнодушны к именам улиц – «лишь бы квартиру дали», другие по идеологическим соображениям готовы разом вернуть все старые названия. А стоит ли возвращать Кладбищенскую и Жандармскую?

Рожанский. А так, как было 5 ноября 1920 года, когда 2 человека своим решением переименовали 53 улицы – это нормально?

Чертилов. И народ болеет уже почти сто лет.

Рябова. Не надо говорить за народ. Давайте осмыслим, что значит «историческое название»? Некоторые улицы переименовывались по 4–5–6 раз. Это закономерный процесс: меняются ориентиры – меняются названия. И XX век – тоже история, оригинальная и во всех смыслах неповторимая. Кроме того, названия улиц – это еще и слова; они могут быть благозвучными, удобными – и наоборот. Выражаясь современным языком, названия улиц являются также брендами. Если постоянно (даже раз в сто лет) изменять бренд – кому это удобно? Может создаться ситуация, когда человек заблеет из-за большого количества перемен, от нестабильности речевой среды. В 1990-е годы, когда жизнь трясла различные перемены, прохожие говорили, что переименовывать ничего не надо. Переименование – это процесс исторический, длительный.

Как специалист я готова принять участие во всех просветительских проектах, продолжить обсуждение проблемы.

ООО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОЕКТНАЯ
РЕСТАВРАЦИОННАЯ МАСТЕРСКАЯ

„ТРАДИЦИЯ“

РЕСТАВРАЦИЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ НОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ПРОЕКТ ИНТЕРЬЕРОВ

Нам
15лет

Нам
15лет

E-mail: trad@esip.ru
www.trad.esip.ru

РОССИЯ. ГОРОД ИРКУТСК
УЛ. ДЕК. СОБЫТИЙ, 49,
ОФ. 503, 509

ТЕЛ-ФАКС 20 - 35 - 86
ТЕЛЕФОН 24-15-58

Нам 15лет

Проект Здания Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа в г. Иркутске